

РОЛЬ БИБЛЕЙСКИХ ОБРАЗОВ В РАССКАЗАХ Т. УИЛЬЯМСА **THE FUNCTIONS OF BIBLICAL IMAGES IN THE SHORT STORIES OF** **T. WILLIAMS**

Аннотация: В статье рассматривается роль библейских образов в новеллистике Т. Уильямса. Автор выделяет два типа подобных образов. Первая группа – изобразительно-выразительные средства, в которых используется лексический компонент, обозначающий какой-либо библейский персонаж или предмет. Вторая – герои-мистические существа (Бог, ангелы, дьявол) и персонажи, связанные с миром церкви.

Ключевые слова: Т. Уильямс; рассказ; художественный мир; библейские образы; христианство.

Abstract: The article explores functions of Biblical images in short stories of T. Williams. Based on the analysis of the selected short stories, two types of such images are identified. The first type includes stylistic devices containign a lexical component denoting various Biblical characters or elements. The second type of such images are spiritual beings (God, Jesus, angels, and devil) and clergy characters.

Keywords: T. Williams; short story; the world of short stories; Biblical images; Christianity.

Будучи одной из самых распространенных религий, христианство оказало значительное влияние на развитие мировой литературы, в том числе литературы США. Христианско-библейские образы и мотивы обнаруживаются в творчестве таких американских писателей, как Ш. Андерсон, Т. Моррисон, Э. Хемингуэй и многие другие. Не стало исключением и творчество Т. Уильямса. С христианством Уильямса связывают довольно сложные отношения. Его дед со стороны матери, который был для писателя одним из наиболее близких людей, служил священником епископальной церкви, мать Т. Уильямса придерживалась достаточно строгих пуританских взглядов, что отразилось на ее отношении к детям. Сам писатель называл себя «пуританином», однако в 1969 г., находясь в сильной депрессии, поддался уговорам младшего брата и принял католицизм. Несколько раз в своей жизни Т. Уильямс испытывал ощущение божественного присутствия. Так, рассказывая в «Мемуарах» о школьной экскурсионной поездке в Европу, он вспоминает мистическое чувство, которое испытал при посещении Кёльнского собора: «Мне показалось, что невесомая рука коснулась моей головы и в то же мгновение фобия отлетела легко, как снежинка, хотя давила она мою голову с огромной тяжестью чугун-

ной плиты. В семнадцать лет у меня не было сомнений, что моей головы коснулась... рука Господа нашего Иисуса Христа» [2, с. 41].

В то же время религиозные представления Уильямса значительно отличаются от традиционных взглядов представителей протестантской или католической церкви. Так, необходимым условием спасения человека писатель считал не веру или праведную жизнь, а единение (в том числе и физическое) с другими людьми: «Пока ты можешь общаться с кем-нибудь, кто симпатизирует тебе, у тебя остается шанс на спасение» [2, с. 275]. В интервью различным журналам и «Мемуарах» он неоднократно делится своим пониманием и отношением к религии и Богу: «Я никогда не сомневался в существовании Бога...» [2, с. 44], «Я сказал еще, что верю в ангелов больше, чем верю в Бога, потому что я никогда не знал Бога..., но что за свою жизнь я знал нескольких ангелов... Я имею в виду в человеческом обличье...» [2, с. 57–58], «Моя истинная религия – мое письмо» [4, р. 150]. В последней цитате обнаруживается отголосок протестантской картины мира, предполагающей серьезное, ответственное отношение к труду (говоря о писательстве, Т. Уильямс предпочитает использовать термины «работа», «труд», «религиозное чувство», а не «вдохновение» или «творчество»). Американский исследователь Г. Бишли считает, что, разочаровавшись в христианском богословии, писатель сохранял веру в эффективность христианской этики [3, р. VI–VII]. Действительно, Т. Уильямса остро волновала проблема Добра и Зла; он утверждал, что современное ему общество нуждается в «Новой Морали» [2, с. 310], основанной на принципах гуманизма, толерантности, взаимоуважения.

Библейские образы неоднократно возникают в произведениях писателя. Самый известный пример – образ Вэла Ксавьера в пьесе «Орфей спускается в ад». Фамилия героя обыгрывает фамилию французских предков Уильямса Ксавьеры и английское слово «Saviour» – «Спаситель», являющееся, как известно, одним из именовании Иисуса Христа.

Говоря об уильямсовской новеллистике, следует выделить две группы библейских образов. С одной стороны, автор использует различные изобразительно-выразительные средства, содержащие лексический компонент, отсылающий читателя к какому-либо библейскому персонажу или предмету. Как правило, это ангелы и демоны: «боттичеллиевский ангел» [1, с. 290], «Люди почувствовали себя демонами, которые попытались завоевать небеса...» [1, с. 109], «Временами ему казалось, что внутри у него поселился инкубус, который неистово бился красной головой о ребра...» [1, с. 176]. Также среди подобных метафор и сравнений можно найти упоминание иерихонских труб, распятия, золотых врат рая и т. п.

Использование изобразительно-выразительных средств подобного типа позволяет писателю создать эмоционально-насыщенную атмосферу, раскрыть психологию героя, а также способствует созданию символического подтекста. Так, например, в рассказе «Биг Блэк: Идиллия на берегах Миссисипи» сравнение героя-афроамериканца с дьяволом, с одной стороны, передает отношение к нему «белых» американцев, с другой – отражает внутренние терзания самого героя: «Ты большой черный дьявол!» [5, р. 30] – называет он самого себя в тот

момент, когда нападает на девушку. В произведении «Однорукий» сравнение Оливера Вайнмиллера с Христом становится ключевым для понимания смысла рассказа: автор последовательно выстраивает цепочку: молодой убийца Вайнмиллер – Иисус Христос – золотая пантера в зоопарке (символ запретных желаний и сексуальности). Оливер становится современным Христом, поруганным, павшим, но при этом воплощающим в себе совершенную красоту и страдание: «... этот потерявший руку боксер был солнцем, вокруг которого вращались притягиваемые им планеты»; «они имели в виду обаяние потерпевшего крушение человека...» [1, с. 145].

Отдельного внимания заслуживают говорящие имена и названия: Альта («Желтая птица»), Миртл и Лот («Царство земное»), Холли («Явление вдове Холли», «Поздравляю с десятым августа!»), «Космический ковчег» («Рыцарь в поисках приключений»). Если первый пример, на наш взгляд, выражает отношение автора к героине рассказа, то остальные напрямую связаны с идеей спасения, которая становится ключевой для всех перечисленных текстов. Заметим, что каждый из героев данных произведений находит спасение от ужасов современного мира в своей среде: в рассказе «Царство земное» спасительным становится обретение дома и семьи, вдова Холли («Явление вдове Холли») получает защиту от произвола ее жильцов, а ее тезка в рассказе «Поздравляю с десятым августа!» – взаимопонимание с подругой. Что же касается говорящего названия «Космический ковчег», то так именуется космический корабль, который уносит главных героев рассказа «Рыцарь в поисках приключений» прочь от тоталитарного мира, подчиненного интересам Проекта. Одним из символов рассказа является белый голубь, который доставляет письма заговорщикам, вздумавшим разрушить Проект. Параллель фантастической антиутопии с историей Ноева ковчега очевидна.

Вторая группа образов – это персонажи из библейского мира, либо с ним связанные: бог («Проклятье»), ангелы («Тайны "Джой Рио"», «Ангел в эркере», «Мисс Койнт из Грина»), Христос («Явление вдове Холли»), дьявол («Желтая птица»), святая («Хроника смерти»), священники и пасторы («Однорукий», «Желтая птица», «Экстра» и др.). Даже будучи эпизодическими героями, как в рассказах «Однорукий» или «Мисс Койнт из Грина», они приносят в текст дополнительные акценты и помогают созданию символического плана. Так, в рассказе «Проклятье» герой, именующий себя Богом, – это пьяный нищий, исполненный гнева и боли. Он проклинает город, где слабые страдают от произвола сильных, где ход вещей перевернут настолько, что даже солнце напоминает «глаз пьяного нищего» [1, с. 167]. Бог немощен и уподоблен слабым мира сего, он «одинокий, растерянный человек, он чувствует, что в мире что-то неправильно, но ничего не может исправить» [1, с. 166]. Написанный в сложное для писателя время (год, когда умерла его тетя и подверглась лоботомии сестра) рассказ становится притчей о тотальном несовершенстве мира.

В отличие от Бога, живущего среди людей, герои-ангелы спускаются к людям с небес, либо их фигуры возникают во мраке. У каждого из них своя роль. Безымянный ангел в рассказе «Ангел в эркере» полон материнского сочувствия к главному персонажу. В «Тайнах "Джой Рио"» образ ангела связан с памятью

об умершем возлюбленном героя. В «Мисс Койнт из Грина» существа с небес являются героине дважды. В первый раз это ангел, который предвещает Валери Койнт рождение ребенка в котором соединится кровь черных и белых американцев (рассказ пронизан идеей единения рас), во второй раз она видит нечто в «разверзшихся небесах». Что именно – остается загадкой: Валери умирает, не успевая осознать увиденное. Финал рассказа позволяет предположить, что она могла увидеть не только некое существо, но и огненные письмена, подобные тем, что были начертаны на стене во время пира вавилонского царя Валтасара. Известно, что надпись предрекла смерть библейского персонажа, мисс Валери также умирает во время видения. Именно об огненной фразе пойдет речь дальше, однако текст Т. Уильямса значительно отличается от библейского трактовкой и отношением к героине: если вавилонский царь Валтасар – олицетворение греха, то Валери Койнт, несмотря на осуждаемый обществом образ жизни, совершает благое дело: она новая Мадонна, ее жизнелюбие и сексуальность противопоставлены мертвому миру так называемых «приличных» людей, ее «миссия» связана с продолжением жизни и примирением рас. Отличается в уильямсовском тексте и характер самой надписи: вместо библейского «Мене, мене, текел, упарсин» анализируемый автор приводит фразу на французском: «Пора отпустить наш дух на волю – с огненной надписью: "En avant!" или "Полный вперед!"» [1, с. 559]. Рассказ заканчивается на позитивной ноте: героиня прожила долгую счастливую жизнь и умирает с чувством выполненного долга.

Отметим, что изображение ангелов в художественном мире Уильямса не совсем типично для христианства. Так, в рассказе «Ангел в эркере» герой видит «призрачную фигуру», которая «безмолвно выростала в комнате... Помнится, руки ее были сложены на коленях поверх бледных одежд, а глаза смотрели... тем мягким, ничего не спрашивающим взглядом, каким глядела на меня бабушка во время своей продолжительной болезни...» [1, с. 380]. Принципиальное отличие от традиционного изображения ангела в том, что Уильямс приписывает образу женские, материнские черты: ангел похож на «пожилую мадонну», его взгляд напоминает взгляд бабушки героя, ангел дарует «материнское благословение» персонажу [1, с. 384]. В «Тайнах "Джой Рио"» образ ангела напоминает пожилого возлюбленного Пабло Гонсалеса: «Ангел этого места – это полный седой ангел шестидесяти трех лет в лоснящемся темно-синем пиджаке из шерсти альпаки, с короткими толстыми пальцами, которые, коснувшись, оставляют влажные следы...» [5, р. 103]. Он намеренно несовершенен и связан с запретной темой гомосексуализма. Ангел, явившийся Пабло, – напоминание о взаимной любви, однажды озарившей его скучную жизнь. Потеряв возлюбленного, он потерял смысл существования и тягу к жизни. Изображение ангелов максимально очеловечено, ангелы – существа, сострадающие, несущие утешение и любовь одиноким персонажам.

Нетипично и изображение дьявола в рассказе «Желтая птица». Он воплощен в образе желтой птички Бобо, которая мерещится пастору, участвовавшему в Салемском процессе и приговорившему к смертной казни собственную жену. Желтая птица незримо сопровождает женщин семьи Татвайлер, заставляя

их бунтовать против устоев традиционного американского общества. Формой протеста становятся женская сексуальность и свободный образ жизни, из-за которых во времена Салемского процесса женщину признавали ведьмой, а в современном писателю мире не принимало общество, включая ее собственную семью. Рассказ пронизан иронией по отношению и к фанатичному пастору, и к его свободолубивой прапраправнучке, главной героине произведения. Автор поднимает вопрос о том, кто на самом деле одержим видением желтой птицы: действительно ли это ведьмы семьи Татвайлер (отметим, что одной из них дано говорящее имя Альма – «душа», которое вряд ли можно соотнести с образом распутной ведьмы), или пастор и пуританское общество: «На преподобного Татвайлера такое сильное впечатление произвели эти обвинения, а также припадки членов Девичьего кружка, стоило им завидеть его жену, что он сам выступил против нее и свидетельствовал, будто желтая птица Бобо однажды в субботу влетела в его церковь, видимая лишь ему одному, уселась на его кафедру и стала шептать неприличные вещи о некоторых присутствовавших на службе женщинах» [1, с. 252]. Образ дьявола и желтой птицы Бобо напрямую связаны с темой «Новой Морали», о которой писатель высказывался в «Мемуарах» и интервью.

Интересен и образ Спасителя в рассказе «Явление вдове Холли». Это божеественно красивый молодой человек в форме морского офицера, который является героине из космоса, чтобы защитить ее от произвола, устроенного жильцами. Хотя имя Иисуса не упоминается в тексте напрямую, на связь с Христом намекает имя молодого человека – Кристофер Д. Космос (Кристофер – «последователь Христа»). Он является в ответ на молитву героини в ту минуту, когда устроенные жильцами беспорядки достигают апогея. Его присутствие приносит мир и порядок, наполняя дом ароматом Рождественского сочельника. Его цель – помочь героине начать жить заново. «Расстанься с этим барахлом!» [1, с. 359] – настоятельно требует он. На наш взгляд, речь идет не только о старых вещах, но и о том унылом образе жизни, который вела женщина до его появления. В рассказе присутствуют эротические ноты: молодая вдова, которая пережила ряд невзгод и чье прошлое «вилось унылой нитью, которую она хотела бы оборвать» [1, с. 355], восхищается совершенной мужской красотой героя: «Расстегнутый китель открывал грудь мужчины, отливавшую чистым золотом, капельки пота на загорелой коже сверкали, как бриллианты» [1, с. 359]. По словам Г. Бишли, в художественном мире Уильямса значима мысль, что мир нуждается в Спасителе, однако человечество виновно во множестве бед, потому спасения заслуживают только отдельные индивиды [3, р. 97]. Хотя исследователь рассуждает о пьесе «Трамвай "Желание"», сказанное им можно отнести к целому ряду уильямсовских произведений, включая анализируемый текст.

Один из самых неоднозначных образов в художественном мире Уильямса – образ Святой из рассказа «Хроника смерти». В последнее лето своей жизни она сутками лежит на раскладушке около дома своего кузена, игнорируя раскол, творящийся в Ордене, которым она руководит. «Все это тлен... Тлен тлеет, но не теплится!» – таков ее вердикт интригам, что плетутся вокруг. Рассказ наполнен иронией и гротеском. Так, в коробке с реликвиями Ордена содержатся

ся предметы, которые скорее напоминают «сокровища», собранные ребенком, нежели религиозной организацией: обрывок красной фольги, пакетик мятной жвачки и т. п. Гротеска исполнена и сцена смерти Святой: «Ее сердце расслоилось на множество тоненьких листочков, как расслаивается комок папиросной бумаги... Часовая пружина еле слышно скрипнула, и часы остановились... Ее глаза с твердыми и красивыми, как голубые мраморные шарики, белками вылезли из орбит» [1, с. 185]. Обыгрывая традиционную литературную тему «человек-механизм», Уильямс иронизирует над фанатиками, для которых власть, формальные правила или материальная составляющая культа важнее гуманности (в рассказе есть упоминания о том, что экстремисты Ордена издеваются над невинным ребенком). Открытый финал рассказа – приглашение к размышлению о вечном поиске смысла, бога, свободном выборе человека: «Будущее его <Ордена> членов отныне дело их личного выбора. Я же собираюсь путешествовать и оставляю за собой право не говорить, куда и зачем отправляюсь» [1, с. 185].

Что же касается священников и пасторов, то они показаны самыми обычными людьми: совершают ошибки, пытаются бороться с запретными страстями, от их доверчивости или эгоизма страдают близкие им люди: «...дед объявил ей, что решил принять сан, и с этой минуты до конца своих дней бабушка уже не знала, что такое жизнь без лишений» [1, с. 508]. Отношение автора к этим персонажам неоднозначно: если оба пастора Татвайлера («Желтая птица») – скорее отрицательные герои-фанатики, готовые перешагнуть через близких из-за собственных страхов и убеждений, то автобиографический образ дедушки-священника в рассказе «Экстра» нарисован с нотками грусти и сочувствия. Он полон «бессознательного ребяческого эгоизма» [1, с. 506], это «скромный, привязчивый» [1, с. 506], «фантастически непрактичный», но «бодрый восьмидесятилетний юнец» [1, с. 513]. Несмотря на эгоизм, он искренне любит жену, которая страдает от его непрактичности. Сцена «аутодафе», во время которой герой, обидевший Экстру, сжигает все свои проповеди, свидетельствует о его искреннем чувстве вины перед женой. С нотками сочувствия и иронии изображен молодой священник в рассказе «Однорукий». Еще в детстве испытал трепет запретных желаний, он боится этой стороны своей натуры и избирает путь служения богу. Столкнувшись с соблазном в лице прекрасного молодого убийцы, которого он пришел исповедовать и который откровенно предлагает ему себя, священник не выдерживает испытания и впадает в панику, отражающуюся на его физиологическом состоянии: «Священника пришлось чуть ли не на руках тащить по коридору, а потом его вырвало, всего вывернуло наизнанку» [1, с. 155].

Таким образом, Т. Уильямс в своих рассказах неоднократно обращается к различным библейским образам и персонажам, связанным с идеями христианства. С одной стороны, библейские образы возникают в системе изобразительно-выразительных средств, используемых автором для создания символического подтекста или психологической характеристики героя. С другой – библейские мистические существа и персонажи-священники позволяют автору затронуть этические вопросы истинной и ложной нравственности, греха и спасе-

ния, страданий и утешения, одиночества и любви. Библейские персонажи – Бог, ангелы, Христос, дьявол – в художественном мире Т. Уильямса трансформированы: Бог и ангелы приобретают человеческие черты, Христос становится эталоном мужской красоты и сексуальности, дьявол соблазняет не столько распутников, сколько их преследователей. Писатель показывает, что жизнь сложнее и многомернее формальных предписаний и правил. В конечном итоге, по Т. Уильямсу, утешение и спасение обретают не фанатичные служители культа, а те, кто не потерял способности сострадать и взаимодействовать с другими людьми.

Библиографический список

1. Уильямс, Т. Лицо сестры в сиянии стекла : повесть, рассказы / Т. Уильямс ; пер. с англ. ; сост. и коммент. Е. Осеновой ; предисл. В. Вульфа. – М. : Б. С. Г. – Пресс ; НФ «Пушкинская библиотека», 2001. – 576 с.
2. Уильямс, Т. Мемуары / Т. Уильямс ; пер. с англ. А. Чеботаря. – М. : Подкова, 2001. – 360 с.
3. Beasley, H. R. An Interpretive Study of the Religious Element in the Work of Tennessee Williams / H. R. Beasley. – https://digitalcommons.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3443&context=gradschool_disstheses (accessed 15 April 2019).
4. Conversations with Tennessee Williams / ed. A. J. Devlin. – Jackson : University Press of Mississippi, 1986. – 369 p.
5. Williams, T. Collected Stories / T. Williams. – New York : New Directions Books, 1985. – 574 p.